

АЗБУКА ВЕРЫ

**Может ли современный человек
верить в Божество Иисуса Христа?**

Может ли современный человек верить в Божество Иисуса Христа?

П. Николаи, Париж, YMCA, 1923

Оглавление

- Вступление
- Возможны ли чудеса?
- Подлинны ли и достоверны наши Евангелия?
- О Личности Иисуса Христа
- Не дитя ли своего времени Христос?
- Воскресение Христа
- Выводы

Вступление

Вряд ли найдется среди нас мыслящий человек, который не остановился бы хотя некоторое время перед светлою Личностью Иисуса Христа. Уж очень Она замечательна по Своей высоте и чистоте и по тому неизмеримому влиянию – прямому и еще более косвенному, – которое Она имела на культурное развитие народов в течение последних 18 столетий.

Но, вместе с тем, каждый, читавший евангельские повествования сознательно, а не под колпаком навязанных или унаследованных взглядов, становился, должно быть, в тупик, натываясь на некоторые совершенно невероятные события в жизни Христа. Как например, отнестись к описанию Его сверхъестественного рождения, к факту творимых Им чудес, смерти Его и воскресения Его из мертвых, словом к сверхъестественной стороне Его жизни, к вопросу об Его Божественности, в смысле воплощения Божества в Его Личности? Для очень многих все эти сомнения принимают острую, мучительную форму.

Невольно нарождается вопрос: как это могло быть? Все люди рождаются естественным образом, чудес не делают, умирают и не воскресают. Неужели из общего правила в истории человечества

могло быть одно исключение? Как это невероятно? В природе все происходит по установленным незыблемым законам. Никаких чудес и сверхъестественных явлений нет и быть не может. Наука чудес не признает... Не гораздо ли вероятнее допустить, что Христос был такой же человек, как мы, только наилучший, идеальнейший из всех людей, и что все повествования о будто бы творимых Им чудесах и об Его воскресении из мертвых, словом об Его Божественности – просто легенды, изобретения позднейшего времени... И стоит ли вообще тратить время над этим вопросом? Раз мы имеем учение Христа, не все ли равно признать ли его Богом или только человеком?

Обыкновенно люди, даже образованные и умные, настолько поверхностны, что удовлетворяются подобными суждениями и, прочитав всего несколько фельетонных статей по этому вопросу или легковесного автора, вроде Ренана, считают вопрос о Божественности Христа совершенно исчерпанным или «поконченным», решив его в отрицательном смысле.

Может быть, реферат этот убедит хотя некоторых, что вопрос, за кого мы почитаем «Сына Человеческого», имеет большее значение, нежели они вначале предполагали, и что вопрос этот, «по нынешним данным науки», для образованного, мыслящего человека едва ли может считаться «поконченным».

Возможны ли чудеса?

Скептическое отношение образованного мира к так называемым чудесам вполне естественно. Уж слишком много люди нагрели в смысле слепого легковерия ко всякого рода небылицам. Но не нужно, конечно, впадать и в противоположную крайность и считать «сверхъестественным» или невозможным все то, чего мы не можем понять и объяснить. «Гордость человеческого невежества», справедливо говорит Бюхнер (Kraft und Stoff), «сказывается в том, что считаем невозможным что-либо потому, что оно кажется нам непонятным».

Неопытный дилетант обыкновенно скоро выносит свой непогрешимый приговор, с апломбом заявления, что то или другое явление «невозможно». Серьезный же ученый в подобных случаях

много осторожнее. Он знает, что область исследованных наукою явлений ничтожна в сравнении с объемом неисследованных и что мы и в настоящее время лишь прикоснулись к краю ризы истинной науки. Он помнит, что даже и так называемые точные науки часто покоятся на основных положениях, которые еще не доказаны.

Математика (геометрия) построена на аксиомах, которые принимаются «на веру» и которых доказать нельзя. Физика требует веры в атомы и молекулы, которых никто не видел, да и возможно ли вообще представить себе единицу неделимую? Мы объясняем свет колебанием волн мирового эфира, но есть ли такой эфир? Не одна ли это счастливая гипотеза? Что такое электричество? И этого мы не знаем, хотя быть может ежедневно пользуемся им.

Обыкновенно указывают, что так называемые сверхъестественные явления невозможны, потому что они нарушают незыблемые законы природы. Но, как справедливо говорит д-р Роу в своих апологетических лекциях, читанных в Оксфордском университете (см. «Очевидные истины христианства», перев. Фифейского), не следует смешивать двух понятий - "сил" природы с «законами» природы. Силы природы, в смысле причин явлений в природе, конечно, не перестают действовать в определенном направлении, например сила притяжения или центробежная сила, пока они не сталкиваются с противоположными силами. Под «законами же природы мы разумеем некоторую последовательность, наблюдаемую в явлениях природы, например, что вода при известной температуре замерзает, что тела от теплоты расширяются и от холода сокращаются и т. д. Бывают однако исключения из таких законов, которые казались навеки незыблемо установленными. Стоит только вспомнить переворот, произведенный открытием радия с его удивительными свойствами., С каким недоверием научный мир отнесся вначале к известию об этом открытии, как ученые пожимали плечами, с улыбкою встречая заявления г-жи Кюри. И все же оказалось, что опыт опроверг теорию, и теорию пришлось «перекроить» по опыту.

Но разве мы знаем все силы природы? Не открывает ли наука все новые удивительные силы, нам дотоле неведомые? Мы знаем теперь о существовании сильно-действующих лучей, для глаза невидимых, и

звуков, неслышных для уха, и говорим о радиоактивных свойствах некоторых тел, т. е. о таких вещах и силах, о существовании которых наши предки и не подозревали. Где же предел этим открытиям? Мы все чаще и чаще открываем теперь такие силы «сравнительно высшего порядка», благодаря которым многие, на первый взгляд непостижимые явления, получают наглядное разъяснение. Сто лет приблизительно тому назад французский ученый заявил, что он напал на след такого открытия, которое даст людям возможность в течение получаса послать запрос в Китай и получить оттуда ответ. Его подняли на смех и называли сумасшедшим. Совершенно разумно рассуждали, что если гонец будет скакать безостановочно, без сна и без отдыха, день и ночь в Китай, или парусный корабль поплывет туда с неизменно попутным ветром, то и в таком невероятном случае потребуется на это по крайней мере несколько месяцев. Рассуждали правильно, по данным того времени. Но этот ученый работал над первыми началами электрического телеграфа. Электричество существовало в мире, но люди не знали этой силы или не умели ею пользоваться. То же самое было бы сказать относительно возможности разговаривать на расстоянии сотен верст посредством телефона или снимать фотографию с содержания запертого ящика при помощи рентгеновских лучей.

Можно согласиться с положением, что сверхъестественных явлений нет, в самом строгом смысле этого слова, потому что каждое явление есть следствие какой-нибудь причины – и в этом смысле весьма метко замечание Харнака, что «чудес нет, но чудесного очень много», – однако нам приходится часто признавать, что есть еще много сил и причин, нам еще неизвестных, так что мы только с большою осторожностью вправе говорить о возможности или невозможности разных явлений.

Неужели эти открытия новых и «сравнительно высших» сил ограничиваются только областью так называемых материальных явлений? Почему не допустить возможности существования сил «сравнительно высшего порядка» и в других областях, напр, в области нравственных и психических явлений? Мы еще далеко не знаем всех материальных сил», говорит Харнак, «и мы еще гораздо менее знаем о силах психических»... «на этом основании»,

продолжает он, «мы сделались гораздо осторожнее прежнего в наших суждениях о чудесах древнего прошлого».

Где же тогда граница между миром естественным и сверхъестественным? Где кончается первый, где начинается последний, и есть ли между ними граница? По всей вероятности – нет, и вопрос, с научной точки зрения, сводится к тому, существуют ли или нет силы «высшего порядка»?

Большинство критиков, например Давид Штраус, Ренан и пр., приступают к исследованию жизни Христа с готовою теориею, что все, что «они считают» сверхъестественным, – априори невозможно и соответственно этому «перекраивают» евангельские повествования по своему. Другие, как например Харнак, весьма непоследовательно допускают возможность некоторых чудес, например исцеления слепых и хромых, но отрицают возможность других. Научно ли это?

Христос в Евангелии (Матф. 12:28) заявляет, что он совершает чудеса силою Духа Святого, – силою Божиею. Много ли мы знаем о Святом Духе и вправе ли мы указать, что для Него возможно и что нет? Мы иногда видим своими глазами, что в человеке произошла удивительная перемена, от какой-то благодарной силы, но природа ее остается для нас в значительной мере сокрытою.

Будем же в этих вопросах истинными служителями науки, людьми не легковверными, но – без предвзятых убеждений, людьми с широким кругозором, готовыми принять истину и преклониться пред нею, откуда бы она ни пришла, хотя бы она и опрокинула некоторые излюбленные нами теории, хотя бы она и не получила пока профессорского «*approbatur*» и не была зарегистрирована в наших научных учебниках. Приступим в таком духе к изучению Личности Иисуса Христа. Многое, что мы читаем о Нем в Евангелиях, покажется нам на первый взгляд неправдоподобным и невероятным. Но действительно ли это невозможно? Может быть, мы именно здесь встречаемся с проявлением силы «наивысшего порядка», делающею невозможное – возможным.

Не предвещая поэтому вопроса о возможности или невозможности упомянутых в Евангелии чудес, рассмотрим внимательно те стороны Личности Христа, которые поддаются научному исследованию. Если

имеются данные, указывающие на Божественность Христа или на вероятность ее, то вопрос о так называемых чудесах не может, по указанным причинам, представить принципиальных затруднений.

Поступая научно, мы должны остановиться:

- 1) на тех источниках, из которых мы черпаем наши сведения о Христе;
- 2) на изучении самой Личности Христа, по имеющимся о Нем данным, и
- 3) на тех выводах, которые с логической последовательностью вытекают из положительного или отрицательного решения вопроса о Божественности Христа.

Большинство даже образованных лиц у нас в России весьма мало знакомо с источниками христианства, они никогда самостоятельно не изучали Личности Христа по Евангелиям, не помышляли о выводах, вытекающих из того или другого решения вопроса об Его Божественности и все свои сведения черпают из вторых рук. В результате – отсутствие твердо обоснованных убеждений и склонность, наткнувшись на непонятное место в Евангелиях или на неожиданный довод, – опрометчиво сдать всю свою позицию, не считаясь со всеми результатами такого шага.

Вспомним, что в столь обширном, глубоком и сложном вопросе нельзя построить окончательного вывода на одном или другом аргументе или на одной или другой группе аргументов за или против того или другого решения. Мы должны взвесить все доступные нам данные и считаться со всеми выводами из них. Только совокупность всех аргументов должна решить, на какую сторону должна склониться стрелка наших весов. Будем честны и добросовестны в этом отношении. Истина света не боится.

Подлинны ли и достоверны наши Евангелия?

«Христианство слагалось в течение трех столетий», пишет Ренан (*Vie de Jesus*). Этим он хочет сказать, что так как самое древнее из всех дошедших до нас рукописных Евангелий (*Codex Sinaiticus*) написано в 350 году после Христа, то, по всей вероятности в этот длинный промежуток времени, после кончины Родоначальника христианской

религии, сложились все легенды об Его чудесах и божественных свойствах, и что на самом деле Он был простой смертный человек, как мы, весьма идеально настроенный. Эту точку зрения поддерживают Л. Н. Толстой и многие другие.

Действительно, самая древняя евангельская рукопись, до сих пор открытая, относится к указанному времени, так что целых 250 лет отделяют его от того времени, когда скончался последний из апостолов, Иоанн, составитель четвертого Евангелия. Но, спрашивается, в каком положении находятся прочие наши греческие и латинские классики, в подлинности которых мы не сомневаемся? Оказывается, что Эсхил жил от 525-456 г. до Р.Х., древнейшие же рукописи его сочинений относятся к 11 столетию после Христа, так что здесь мы имеем промежуток времени в 1500 лет. Для сочинений Софокла, Фукидида и Геродота промежуток времени приблизительно такой же; для сочинений Вергилия промежуток – около 300 лет, для сочинений Тита Ливия – 400 лет, для сочинений Горация – 900 лет, для сочинений Тацита – 750 лет, так что, в сравнении с ними евангельская рукопись занимает довольно выгодное положение.

Отсутствие у нас более древних евангельских рукописей объясняется отчасти тем, что последние обыкновенно писались не на пергаменте, недоступном по цене людям малосостоятельным, какими было большинство первых христиан, а на листах из папируса, которые сравнительно скоро портились; во вторых тем, что некоторыми императорами, в особенности Децием и Диоклетианом, были изданы специальные предписания об уничтожении всех христианских книг, так как ими поддерживалась, по их мнению, христианская вера. Не легко было скрывать объемистые рукописи в течение почти трех столетий жестоких гонений.

Что Евангелия наши существовали в том виде, в каком они дошли до нас, и раньше 350 года, – видно из того, что имеются рукописи других авторов, в подлинности которых наука не сомневается, дающие или цитаты и извлечения из Евангелий, от более раннего периода, или ссылки на них, и подтверждающие самым разительным образом главные факты, упомянутые в Евангелиях.

Имеется, например, трактат апологического содержания, написанный в 140 году по Р.Х.. бывшим языческим философом

Иустином на имя императоров Антонина Пия и Марка Аврелия, в котором он обрисовывает жизнь и учение Христа и описывает быт христианских общин того времени. Интересно прочесть цитаты, которые он делает из Евангелий, и его ссылки на последние. «На воскресных собраниях христиан, – пишет он, – читаются мемуары апостолов» (Евангелия).

Имеются также ссылки на разные места из Евангелий в сочинениях более ранних писателей, напр., у Климента Римлянина, от 97 года по Р.Х., и у других авторов, но вдаваться в эту специальную область библейской критики нам не приходится, и для нас будет достаточно стать на ту почву, которую завоевала себе современная либеральная германская школа богословия, с профессором Харнаком во главе. Мы можем быть вполне уверены, что эти богословы процедили каждую йоту рукописей в своих критических исследованиях.

Господствовавшая в Германии в середине прошлого столетия Тюбингенская школа богословия, со знаменитым профессором Бауером во главе, отрицавшая подлинность почти всех книг Нового Завета, уже давно опровергнута дальнейшим ходом науки, и в настоящее время германская либеральная школа считает подлинность по крайней мере 3-х Евангелий и всех Посланий, без одного, – фактом, научно установленным.

Если же мы для большей осторожности обратимся к самому радикальному крылу упомянутой школы, то и там мы находим, что и представители этого крайнего критического направления признают несомненную подлинность четырех посланий апостола Павла, именно: к Римлянам, 2-го к Коринфянам и к Галатам. Но так как в этих посланиях, написанных апостолом Павлом в 60-тых годах после Р.Х., содержатся все существенные части христианского учения, в том числе указания на воскресение Христа из мертвых и на Его Божественность, и так как послания этого апостола принимались всеми христианскими общинами в Малой Азии, Греции, Италии, словом везде, куда ни проникала христианская Церковь, то из этого неминуемо следует, что эти основные положения христианского вероучения ни в каком случае не являются изобретениями позднейшего времени, а относятся к самому раннему периоду христианства. Значит уже в 60-х годах первого столетия по всему

побережью Средиземного моря первые христианские общины верили в чудеса и воскресение Христа из мертвых и в Его Божественность. Этим падает вся гипотеза Ренана о позднейшем возникновении этих вероучений. Есть еще маленькое обстоятельство, на которое Ренан не обратил внимания, – это тот факт, исторически установленный и неоспоримый, что все христианские церкви, повсеместно, с самого начала, ежегодно соблюдали праздник Пасхи и приветствовали членов своих возгласом «Христос воскрес». Откуда и как утвердился у них этот обычай?

Перейдем теперь к вопросу о достоверности евангельских повествований, в смысле вопроса о правдивости их изложения. Можно мельком заметить, что раз мы допускаем подлинность, хотя бы некоторых из наших Евангелий, то уже этим мы создаем веское предположение в пользу искренности их авторов и вероятной правдивости их изложения. Трудно же допустить, чтобы один из апостолов Христа – Левий, автор первого Евангелия, или апостол Иоанн, или спутники ап. Павла – Лука и Марк, описывали события заведомо ложные или вообще недостоверные. Против этого говорит и самый тон Евангелий, тон до того искренний, правдивый, трезвый и простой, что у непредубежденного читателя невольно возникает чувство доверия к авторам этих повествований. Многие лица, приступившие с недоверием к чтению Евангелий, вынесли убеждение об их достоверности именно под впечатлением этого неподражаемого правдивого тона их. Другой довод – масса мелких деталей в изложении, рассыпанных по всем Евангелиям (в особенности же в Евангелии от Марка), таких деталей, которые мог подметить только очевидец событий и которые едва ли можно было бы воспроизвести впоследствии. Чтобы судить об убедительности или неубедительности этих доводов, нужно конечно относиться к этому вопросу беспристрастно и ознакомиться с Евангелиями основательно. «Исключительный характер Евангелий не подлежит никакому сомнению, – пишет профессор Харнак. – Эту простоту и выразительность формы нельзя было воспроизвести даже несколько десятков лет спустя... совершенно ясно, что мы имеем здесь дело, в главном, с преданиями первых времен». В пользу достоверности наших Евангелий говорит и тот факт, что мы встречаемся с одними и теми же Евангелиями, написанными в Греции, в Галлии, в Египте, в

Риме, в Палестине, в Северной Африке и пр., из чего видно, как ревниво церквами оберегался первоначальный текст этих писаний.

«Но, в этих Евангелиях есть масса ошибок и противоречий, возражают некоторые, «к тому же, кроме этих Евангелий, были еще другие – так называемые апокрифические, которые полны самых грубых и фантастических сказок и давно всеми признаны недостоверными. Почему канонические Евангелия заслуживают большего доверия, чем эти последние?

«Действительно в Евангелиях есть и ошибки и несогласованности в изложении, но о массе таковых может говорить только тот, кто мало знаком с Евангелиями. В Евангелии от Матфея, например, одно пророчество о Христе (гл. 27, ст. 9) приписано пророку Иеремии, между тем как она на самом деле встречается у пророка Захарии (гл. 11 ст. 12 и 13). У одного евангелиста упоминается о двух бесноватых в стране Гадаринской, которых исцелил Господь, у другого евангелиста их было не двое, а всего один. У Иоанна помазание Христа Мариною имело место за неделю до распятия Христа, у других – это случилось накануне страдания Его. В двух первых Евангелиях сказано, что оба распятых со Христом разбойника поносили Его, а у Луки указано, что один из них поносил Христа, а другой упрекал Его за это и покался и т. д. Но касаются ли эти мелкие различия в тексте самой сути вопроса? Во всех тех случаях, когда вопрос касается Божественности Христа, Его воскресения из мертвых, Его речей и существенных событий из Его жизни, – все Евангелия говорят одно и тоже без тени различия по существу. Не являются ли эти мелкие различия в некоторых внешних деталях скорее доказательствами подлинности Евангелий? Если бы Евангелия были сочинены позднейшими авторами, то последние конечно позаботились бы, чтобы не было подобных «противоречий» и чтобы «не видны были швы» в рассказах. Подобные мелкие различия в изложении всегда будут, и они совершенно неизбежны, когда об одном и том же событии сообщают разные люди из разных мест и в разное время.

Пусть, например, несколько самых добросовестных газетных репортеров опишут какое-нибудь событие в городе, напр. пожар, и в результате всегда получится не вполне сходное сообщение о нем. Евангелия же написаны не в одно время, а, как полагают, между 70-

ми и 90-ми годами первого столетия, а Евангелие от Иоанна – около 100-го года.

Что же касается апокрифических евангелий, напр., евангелия Варнавы, книги Еноха, откровения ап. Петра и др., то, не говоря о чудовищных небылицах, повествуемых в них (напр., о том, как Христос в младенчестве лепил птиц из глины и затем превращал их в живых и т. п.), самый тон этих фантастических сказаний до того расходится со скромным, трезвым, правдивым тоном наших Евангелий, что о каком-нибудь сходстве и сравнении достоинства тех и других не может быть и речи. Один из новейших переводчиков апокрифических сказаний, англичанин Б. Х. Каупер (издание Норгэта в Лондоне), пишет: «До принятия на себя этой работы (т. е. перевода) я не сознавал, как сознаю теперь, какая пропасть лежит между истинными Евангелиями и этими сказаниями».

Можно было бы, конечно, причислить к источникам, из которых мы черпаем наши сведения о Христе, сочинения других представителей христианской литературы первых двух столетий, но это заставило бы нас выйти из рамок настоящего реферата. На основании вышеизложенного можно сказать, что, оставляя в стороне религиозное значение Евангелий, они представляют собою весьма ценный исторический материал и обладают, с научной точки зрения, весьма высокою степенью достоверности. В них мы бесспорно имеем «бесхитростные повествования лиц – очевидцев описываемых событий или лиц, близко стоявших к таким очевидцам».

О Личности Иисуса Христа

Кто хочет составить себе обоснованное убеждение о Личности Иисуса Христа, по необходимости должен изучить Ее из первых источников, – по Евангелию, и не довольствоваться сочинениями других писателей о Христе. Придется вникать в Его слова, Его поступки, Его учение, Его характер, Его смерть... и делать это без всяких предвзятых взглядов. Аргументы отвлеченного свойства никогда не удовлетворят честного искателя истины. Прежде всего мы встречаемся с вопросом, жил ли вообще Христос? Является ли Он вполне историческою Личностью или нет? Может быть Его,

существование нам достовернее существования Гомера? Бебель вскользь упоминает в одной из своих речей о «мифическом» Христе, и Геккель (Weltratsel) также высказывает сомнения в Его «историческом бытии».

Что Христос историческая Личность, удостоверяется свидетельством выдающихся писателей не только христианских, но и еврейских и языческих. Тацит, напр. (Annale XV, 38, 44), упоминая о «ненавидимых всеми за их злодейства христианах», говорит, что «учредителем этой секты был некто Христос, Который, в царствование Тиверия, предан смертной казни в Иерусалиме по приговору проконсула Понтия Пилата».

Из других римских писателей, писавших о христианстве и об его Основателе, можно указать на врага христиан Цельсия (около 180 г.), на Лукиана, Светония и ученого Плиния, друга императора Траяна. Плиний докладывал последнему, приблизительно в 112 году по Р. Х., что вся вина христиан в том, что они «собираются в определенные дни, поклоняются Христу, как Богу, и клятвенно обязывают друг друга никогда не обманывать, не красть и не совершать прелюбодеяния».

Из еврейских писателей можно сослаться на историка Иосифа Флавия, друга императора Тита, много написавшего об Иоанне Крестителе, о Христе и о христианстве. О Христе говорится и в Талмуде. Интересно, что в выпущенном в Берлине профессором Дальманом издании последнего имеются указания о Христе, об Его матери и учениках более чем в 40 местах, хотя конечно во враждебном духе. Талмуд упоминает и о чудесах, совершенных Иисусом, но приписывает их влиянию нечистой силы. Вообще можно сказать, что историческое существование Христа никогда не подвергалось серьезному научному сомнению.

Переходя к рассмотрению облика Христа, который нам дают книги Нового Завета, мы прежде всего замечаем, что Христос, Которого нам рисует Евангелие от Матфея, Тот же Самый, Каким Его представляют евангелисты Марк и Лука. Хотя у Иоанна и упомянуты такие речи Христа, которых мы не находим у других евангелистов, но характер описуемого им Спасителя тот же, что у других евангелистов. Разногласия между ними в этом отношении нет.

Во-вторых, облик Христа по Евангелиям – облик цельной, живой человеческой личности. Это не мертвая мозаика из различных повествований, но живое Лицо, Которое живет перед нами, мыслит, чувствует, действует, плачет, радуется... Эта живая цельность была бы совершенно невозможна, если бы Евангелия были компиляцией легенд разных времен и разных авторов, как некоторые воображают, точно также, как нельзя бы было из множества рисунков разных художников создать такое произведение искусства, каким, например, является Сикстинская Мадонна Рафаэля.

Если же допустить, что Личность Христа является сочинением одного какого-нибудь весьма талантливой автора, то приходится спросить, кто мог бы вообще придумать такую личность, такой характер, такие речи, такие мысли и поступки, какие мы видим во Христе? Всякая человеческая личность теряет при близком ее рассмотрении, но чем глубже мы вникаем в характер и Личность Иисуса Христа, тем Он является перед нами возвышеннее, совершеннее и святее. Вспомним Его бесподобную Нагорную проповедь (Мат. г. 5-7), в которой Он открывает нам такие обширные новые духовные горизонты и клеймит грех, не только в действии, но и в словах, мыслях, воображении и чувствах. Вспомним Его безграничную милость к самым грешным и падшим (Иоан. 8,3; Лук. 7,37; 19, 2; Иоан. 4, 7). Вспомним глубокие, живые притчи, например притчу о блудном сыне (Лук. 15), которая с вечной свежестью говорит нам о всепрощающей любви Отца Небесного к кающемуся грешнику; вспомним бесподобное смирение Христа, которое Он проявил при омовении ног учеников (Иоан. 13:4), напомним себе Его непостижимую широту и высоту взглядов в догматическом отношении, от которой мы и в наше время еще так далеки (Иоан. 4:21-24); воскресим в своей памяти Его удивительное психологическое понимание сердца человеческого и признание этого сердца очагом и центром греховной заразы в человеке (Марк. 7:20-23); вспомним Его бесподобную молитву «Отче наш», последнюю Его молитву за учеников (Иоан. 17) и первые слова Его на кресте (Лук. 23:34), а также торжественные прощальные слова к ученикам (Матф. 28:18-20). Кто мог бы придумать Такого Христа?

Есть еще одна сторона в облике Иисуса Христа, которая поражает нас

своею неслыханностью, – это Его безгрешность. Нигде мы не встречаем у Него ни грешного слова, ни неодобрительного поступка; нигде мы не видим в Нем и малейшего сознания о собственной греховности и нужде в прощении, – даже в момент смерти, когда обыкновенно у человека падают все иллюзии и просыпается совесть. Кто кроме Него, мог сказать: «Кто из вас обличит Меня в неправде?» (Иоан. 8:46). Грешному человеку не придумать безгрешной личности. Вспомним, какими представлялись божества у языческих народов, с человеческими страстями и слабостями. Даже Будда никогда не выдавал себя за безгрешного. Магомет перед смертью смиренно каялся в своих грехах перед Богом и просил о помиловании. У Христа ничего подобного мы не находим. Другие люди, знакомясь с Ним (Лук. 5:8), получали впечатление о своей греховности, многие и в наше время испытывают то же самое от Его речей; у Него же Самого, совесть Которого была столь чутка, как ни у кого другого в мире, мы ни разу не замечаем ни сознания своих недостатков, ни нужды в получении прощения грехов.

В тесных рамках реферата мы, конечно, не можем войти в детальное рассмотрение всех сторон облика Христа. Достаточно, если подчеркнем, что вряд ли найдется человеческая добродетель, которая бы не получила своего наилучшего, наивысшего выражения в Личности Христа, так что, на чем бы мы ни сосредоточили свое внимание, – на мудрости ли Его ответов и суждений, на высоте ли Его нравственных принципов, на глубине ли Его богосознания, мы всюду выносим впечатление о таком совершенстве, которое безусловно выделяет Его из уровня всех других людей. И вместе с тем, как верно указывает профессор Шафф (Христос – чудо истории), «в Его характере мы находим не только полноту, но и совершенную симметрию и гармонию всех добродетелей. Его твердость никогда не становилась упрямством, Его доброта никогда не переходила в сентиментальность, Его воздержание никогда не делалось самоумерщвлением. Он соединяет ревность о Боге с неутомимым участием к нуждам людей, нежную любовь к грешникам – с неумолимою строгостью к греху, смелость – с мудрою предусмотрительностью, непреклонную твердость – с изумительною кротостью и мягкостью. Он никогда не заблуждался в Своих суждениях о людях, не обманывался внешним видом, Он видел людей

насквозь... Когда Его спрашивали, Он давал всегда такие ответы, лучше которых ничего нельзя было придумать.

Такой мыслитель, как Д. С. Милль, которого никак нельзя заподозрить в пристрастии к христианству, спрашивает: «Кто из учеников Христовых или из последователей последних был бы в состоянии изобрести речи, приписываемые Иисусу, или придумать такую жизнь и такой характер, какие нам описывают Евангелия? – Конечно не рыбаки галилейские и, еще менее того, писатели первых веков христианства». – «Никогда, – пишет Руссо, – «евреи не могли бы сочинить ни этот тон, ни эту мораль. Сочинитель был бы удивительнее самого героя». Это понятно. Если не Шекспир написал приписываемые ему литературные произведения, а Бэкон, как это одно время Предполагали, то Бэкон был такой же гений, каким считают Шекспира. Тот, кто мог сочинить Того Христа, Которого мы находим в Евангелиях, был бы таким же удивительным «Божиим чудом», как и Сам Христос.

Все до сих пор сказанное могло бы привести к заключению, что Христос – неподобная по Своей чистоте и высоте человеческая Личность – и только. Защищая подобный взгляд, обыкновенно упускают из виду, что значительная часть изречений Христа вносит полный хаос в этот человеческий облик Его, если только слова эти не вполне отвечают действительности. Мы имеем в виду те изречения, которые прямо или косвенно говорят об Его Божественности. Как мог человек и смиренный, и разумный, и правдивый выдавать Себя за Сына Божиего в смысле воплощения Божества? Против этого и Ренан, и Л. Н. Толстой, и многие другие возражают, что Христос никогда и не выдавал Себя Таковым, что напротив Он называл Себя Сыном Человеческим, чтобы этим подчеркнуть Свою человеческую природу, и что Он под словом «Сын Божий» понимал человека подобного нам, в котором Божие духовное начало достигло своего высшего развития. В подтверждение этого взгляда обыкновенно указывают и на то, что когда обратились ко Христу с вопросом, Он ли Христос, Сын Божий, Он ответил уклончиво словами: «Вы говорите, что Я» (Лук. 22:70). Большинство почитателей Ренана и Льва Николаевича Толстого принимают это разъяснение на веру и не берут на себя труда проверить его по Евангелию. Таким образом в

широких кругах укоренилось представление, будто Христос нигде Сам не заявлял о Своей Божественности. В действительности же дело обстоит наоборот. Христос, по свидетельству всех Евангелий, решительным образом заявлял о Своей Божественности. Правда, Он называл Себя и «Сыном Человеческим», подчеркивая как бы человеческую сторону Своего Существа, но прямо и косвенно Он указывал и на Свою Божественность. Мнимая уклончивость ответов Христа, когда Он вопрошающим отвечал «ты говоришь» или «ты сказал», объясняется тем, что на греческом и латинском языках нет специальных слов «да» и «нет» и слово «dicis» было обычною формою для утвердительного ответа. Не всегда однако Христос отвечает в такой, как будто уклончивой, форме. В 14 главе Евангелия от Марка (ст. 61, 62), когда первосвященник обратился к Нему с торжественным вопросом: «Ты ли Христос, Сын Благословенного», Он ответил: «Я есмь» и прибавляет: «и вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего в облаках небесных». Определеннее и яснее ответить нельзя.

Не мешало бы спросить себя, о Каком «Сыне Человеческом» здесь говорится? Неужели о смертном человеке? Может ли человек говорить о себе подобные слова, если он не лишился совершенно и рассудка и совести? В связи с этим текстом можно указать, что Христос во всех трех первых Евангелиях упоминает о пришествии «Сына Человеческого на облаках, с великою славою и силою (см. Матф. 24, 27. 30; Марк. 13, 26; Лук. 21, 27. 36). Давид Штраус (das Leben Jesu) с досадою констатирует этот факт и затрудняется, чем объяснить подобные слова.

Вопрос о том, что Христос Сам о Себе говорил, имеет для нашего вопроса столь принципиальное значение, что я позволю себе привести еще несколько цитат из Его речей. Как может смертный человек говорить о себе: «Я даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек, и никто не похитит их из руки Моей» (Иоан. 10:28); или «Я есмь путь, истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня (Иоан. 14:6); или «Я и Отец одно» (Иоан. 10, 30), или «Дабы все чтили Сына, как чтут Отца, Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца, пославшего Его» (Иоан. 5:23); или «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я среди них» (Матф. 18:20); или «Истинно, истинно говорю

вам, прежде нежели Авраам был, Я есмь» (Иоан. 8:58); или «Ныне прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира» (Иоан. 17:5); или «Кто исповедает Меня пред человеками, того и Сын Человеческий исповедает пред ангелами Божиими» (Лук. 12:8); или «Дана Мне всякая власть на небе и на земле... и се, Я с вами во все дни до скончания века» (Матф. 28:18,20).

Как смотрели на Христа ближайшие Его ученики, видно из Первого послания ап. Иоанна (гл. 5, ст. 20), где он говорит: «Сей есть истинный Бог и жизнь вечная». Что евреи поняли Христа именно в этом смысле – видно из их ответа: «Не за добрые дела побиваем Тебя камнями, а за богохульство, что Ты, будучи человеком, делаешь Себя Богом (Иоан. 10:33). По этой же причине первосвященник и разодрал свои одежды и признал Его повинным смерти за богохульство (Марк. 14,63.64). Как легко Христос мог бы оправдать Себя, если бы Он вышеуказанными словами имел в виду сказать нечто другое.

Подобных мест в Евангелиях можно бы привести много, но и этих достаточно, чтобы показать, за Кого Христос Себя почитал. Можно не соглашаться со Христом по существу, но нет возможности отрицать того факта, что Он сам прямо и косвенно заявлял о Своей Божественности, в смысле воплощения Божества. Сопоставляя все, что мы узнали о Христе, об Его характере, об Его речах и действиях, в нас невольно созревает жгучий вопрос: Кто же Он, в самом деле?

Чем глубже мы вникаем в этот вопрос, тем загадочнее становится для нас Личность Христа. Утверждать, что Он просто гениальный человек, невозможно. Как мог не то что гениальный, но вообще здравомыслящий человек сказать о себе: «Прежде нежели был Авраам, Я есмь» (Иоан. 8:58), или: «Я есмь путь, истина и жизнь» (Иоан. 14:6). Как мог умный человек отказаться от возможности провести все Свои реформаторские планы, когда Ему предлагали царский венец (Иоан. 6:15) и сознательно, намеренно погубить Свою популярность, как Он это сделал по Свидетельству ап. Иоанна (гл. 6, 7 и 8)? Как мог Он, предвидя печальный исход Своей жизни, тем не менее заявить, что Он явится опять во славе и восторжествует над Своими противниками? Как мог Он мнить Себя Царем Небесного Царства (Матф. 24, 30. 31) и будущим судьей над живыми и

мертвыми? (Матф. 25, 31; Лук. 21, 36). Но, может быть, Христа можно назвать «идеально хорошим» человеком, который проповедывал добро и искал добра всем, -за что и пострадал? Если Христос был только человек, то Он был человек «дурной», ибо возмечтал о Себе бесконечно много и сознательно вводил других в заблуждение, хладнокровно и без всяких иллюзий обрекая доверчивых и простодушных учеников Своих на мучение и на смерть (Матф. 10,16-23; Лук. 21,12).

Многие думают найти выход из затруднения, предположив, что Христос Сам искренно верил тому, что Он говорил, но что Он увлекался Своими мечтаниями. Чтобы оценить, насколько основательно такое мнение, достаточно мысленно воскресить в своей памяти облик Христа по Евангелиям. «Постоянная ясность, спокойствие, самообладание, скромность, достоинство и терпение Христа», говорит профессор Шафф, «представляют радикальную противоположность тому, что составляет отличительный признак мечтателя. Неужели такой Дух, – ясный как небо, живительный как воздух, пронизательный как меч, здравый и мощный, всегда верный Самому Себе, – неужели Такой дивный Дух способен на такое глубокое роковое самообольщение и ошибку насчет Своего призвания?» Считать Христа за «сумасшедшего» человека или за «сознательного обманщика» никто, конечно, не станет, кто по Евангелию знакомился с Ним. Кто же Он в таком случае?

Чем больше размышляем над Личностью Иисуса из Назарета, тем загадочнее Она становится. Поневоле приходим к заключению, что если Он не Тот, за Кого Он Себя выдавал – не есть воплощение Божества, а только человек, то Он является невозможнейшим сочетанием высочайшей нравственной высоты и глубочайшего шарлатанства, величайшей гениальности и сумасбродства, глубочайшего смирения и невообразимой гордости, бесподобной правдивости и гнуснейшего обмана и лжи, удивительнейшей психологической пронизательности и невозможнейшего самомнения, высшей трезвости и разумности в суждениях и поступках и непостижимой экзальтации – словом Он был невозможным, неземным чудовищем. Если же то, что Он говорит о Себе и о Своей Божественности, истина – то все черты Его характера сливаются в

чудный гармоничный образ неземной красоты и совершенства.

Не дитя ли своего времени Христос?

Всякий человек является чадом своего времени и произведением окружающей его среды, в главных чертах своего нравственного интеллектуального развития. Бывают, конечно, гениальные передовые личности, как напр. Платон, Конфуций, Гаутама-Будда, Гете и др., которые высоко возвышаются над общим уровнем своих соотечественников и кладут свой отпечаток на целые народы и на целый период истории. И тем не менее эти люди являются чадами своего времени. Можно проследить, как через них получают выражение мысли, дремавшие дотоле в народном сознании. Быть может, потому их влияние ограничивается только известным периодом времени или определенными народностями.

Интересно было бы проверить, насколько это правило находит себе подтверждение в отношении Личности Христа. Мы знаем из Евангелий, что Он подчинялся всем предписаниям закона Моисеева и являлся по плоти истинным сыном народа Израильского. И, тем не менее, какая пропасть лежит между Ним и лучшими представителями еврейства того времени и следующих веков. Те из нас, которые знакомы с книгою Фаррара «Жизнь Иисуса Христа», припомнят, как и простой и ученый люд того времени был связан мертвою буквою закона и предписаниями раввинов, и как весь горизонт еврейства ограничивался пределами одной Палестины. Один из самых либеральных раввинов того времени, кроткий Хиллел, проповедник милосердия, в котором некоторые хотят видеть учителя Христа, был еще так связан узкою богословскою казуистикою, что он мог написать ученый трактат о том, может ли правоверный еврей, без нарушения субботы, съесть яйцо, которое курица положила в субботний день.

Какое новое, глубокое, духовное понимание Бога и Священного Писания у Христа и какая изумительная духовная свобода и широта взгляда. «Поверь Мне», сказал Он Самарянке (Иоан. 4:21-24), «что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу... истинные поклонники будут поклоняться Отцу в

духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе... Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине». У кого Он мог научиться таким принципам? Какой глубокий переворот Христос внес в сознание народа Израильского, когда Он указал на истинный смысл предписаний закона Моисеева о субботнем дне словами: «суббота – для человека, а не человек для субботы» (Марк. 2:27), и вообще на суть религии, заключающуюся не в одном внешнем исполнении религиозных обрядов, а прежде всего - во внутреннем повороте к Богу (Матф. 5, 20; 15, 8 и 23, 25-28). Какая изумительная свобода у Него от национальных предрассудков, столь свойственных иудейскому народу (Иоан. 10:16). Как его взгляд охватывает весь мир, когда он дает ученикам повеление идти и учить «все народы» (Матф. 28:19) и проповедывать Евангелие не только в Иудее и Самарии, но и до концов земли (Д. Апост. 1, 8). Как туго эти принципы прививались даже ученикам (Д. Апост. 10,34.35 и 11,1) и как они в настоящее время, после восемнадцати столетий, еще непонятны для многих лиц.

У кого же Христос мог научиться Своей премудрости и широте взглядов? Профессор Харнак определенно указывает, что хотя влияние раввинских ученых сильно заметно в писаниях апостола Павла, оно вовсе не заметно у Христа. «Совершенно ясно, что Христос не учился у раввинов», – пишет он. Но откуда в таком случае у Него такая глубина и широта, которые остались изумительными и по настоящее время и ставят Его неизмеримо выше всех духовных наставников человечества всех времен? Как мог «этот 30-тилетний молодой еврей» сделаться Родоначальником христианских церквей для всех частей земного шара, – одинаково для эскимосов, индусов, негров, монголов и народностей Европы и Америки? Как мог Он, после трех кратких лет проповедничества сделаться путеводною Звездой для лучших людей всех времен, всех народностей и всех классов общества? Мог ли Христос быть «произведением» Назарета или тогдашней Палестины?

Но, может быть, на Христе отразилось влияние греческой или римской культуры и цивилизации? «Знание греческого языка было весьма распространено в Палестине», говорит профессор Харнак, «столько же, как знание шведского языка в Финляндии в наши дни, но облик Христа и речи его», продолжает он, «не обнаруживают

никакого сродства с миром греческой цивилизации». То же можно было бы сказать и о влиянии на Него римской культуры. Достаточно вспомнить, что учение Христа вращалось исключительно на почве религиозной и что, именно в этой области, политеизм и идолопоклонство римлян, греков и халдейских народов в корне расходились с мировоззрением Христа.

Но что сказать о возможном воздействии буддизма на учение Христа? Читаем нередко предположения, -обыкновенно в газетных фельетонах, что Христос посетил Индию в годы молодости Своей и принес оттуда хотя бы часть Своего учения. Но такие предположения остаются всецело голословными. Бумага все терпит. Нельзя отрицать, что некоторые стороны буддийского учения превосходны и близко подходят к учению Христа, напр. учение о самоотречении, о любви к ближним, о добрых делах, о милосердии и т. п. Но не следует забывать, что существует общечеловеческая мораль, которая встречается у всех народов и формулируется ими - то яснее, то неопределеннее и что к этой общечеловеческой морали принадлежат и вышеупомянутые добродетели, которые так прекрасно изложены у великого учителя Индии. Действительно существует большое сходство в этом отношении между его учением и учением Христа, но не следует забывать, что учение Будды в других отношениях, притом не во второстепенных, но в самых существенных, диаметрально расходится с учением Христа. Достаточно вспомнить, что мировоззрение первого - атеистическое. Высшая идея его - самоумерщвление, идеал человека - монах и высшая цель человека - прекращение его существования, чтобы уразуметь, что эта религия смерти в корне расходится с религией Того, Кто говорил: «Я есмь жизнь и воскресение» и возвещал для этой жизни и для будущей мирное, радостное общение с Богом живым, Отцом Небесным. Мы здесь конечно не касаемся вопроса о преимуществах одной религии над другою, но хотим подчеркнуть, что едва ли стоит распространяться о сходствах их в некоторых деталях, когда религии эти в самых основных началах своих в корне расходятся между собою.

В наше время часто указывают на поразительное сходство в рассказах о рождении Христа и Гаутама-Будды, которое не может быть случайным. В священных книгах буддистов сказано, например,

что при рождении Гаутама раздалось удивительное небесное пение, что цари подносили новорожденному ценные подарки, что старый брамин принял его на руки свои и признал в нем спасителя от всех зол, что он крестился в воде, искушался злыми духами в пустыне, что имя матери его Майя и т. д. Конечно такое сходство не случайно, но ревнители буддизма обыкновенно умалчивают, что в южно-буддистском каноне (на острове Цейлоне), в котором учение это сохранилось в наиболее чистом виде, о всех этих рассказах нет ни полслова. Они встречаются только в северно-буддистском каноне, принятом в Тибете и в Монголии. Уже тот факт, что в атеистической буддистской религии упоминается о «небесном пении», об «искушении бесами» и т. п., должно было бы внушить нам недоверие к подлинности этих рассказов. И действительно, в древнейших изданиях северного канона мы их не встречаем, а только в сочинениях пятого столетия после Христа и позднее, т. е. с того времени, когда Несторианские христиане уже проникли в Монголию и успели познакомить многих с своим учением (см. Eitel: Three Lectures on Buddhism). «Гораздо вероятнее предположить», пишет профессор Грант (The Religions of the World), «что эти рассказы перешли к буддистам от христиан, а не наоборот».

Воскресение Христа

Когда мы говорим о «воскресении» Христа, мы понимаем это слово не в переносном, аллегорическом смысле, как напр., отзываются о великих людях, о Шекспире, Гете и др., что они живы и после смерти, продолжая жить в памяти людей, как напр. Пушкин писал о себе: «Нет, весь я не умру, душа в заветной лире мой прах переживет и тленья убежит»... Под воскресением Христа мы имеем в виду действительное возвращение Его к жизни, силою свыше, после действительной смерти на Кресте.

Нашему исследованию подлежит, таким образом, вопрос о действительности факта воскресения Христа из мертвых. Краеугольное значение этого факта очевидно. Если Христос воскрес из мертвых, то Он не смертный человек, как мы. Если Он не воскрес, то Он, конечно, только человек, а не воплощение Божества. Если Он не воскрес, то мы вправе подвергнуть сильнейшему

сомнению все Его чудеса; если Он воскрес из мертвых, то это есть чудо из чудес, перед которым бледнеют все остальные чудеса в Евангелии, и к принятию их тогда уже не представится больших затруднений. Такое значение придавал воскресению Христа и апостол Павел. «Если Христос не воскрес», пишет он (1Кор. 15:14), «то и проповедь наша тщетна и вера ваша». Того же мнения и Давид Штраус (das Leben Jesu). «Здесь мы стоим у распутья», пишет он, «и должны или отказаться от нашей попытки объяснить жизнь Иисуса естественным образом, или мы должны найти разъяснение вести о воскресении без сверхъестественного вмешательства... Этот вопрос», продолжает он, «есть жизненный нерв христианства». Так смотрели на этот факт и христиане первых времен. «Сего Иисуса Бог воскресил, чему мы все свидетели», говорит апостол Петр в своей проповеди (Д. Ап. 2, 32), с убежденностью, радостью и дерзновением провозглашая всенародно этот факт. Сила апостольской проповеди лежала именно в том, что они проповедывали повсеместно не только учение, не только христианскую мораль, но прежде всего весть о распятом и воскресшем из мертвых живом Спасителе – Христе. Куда ни проникало христианство, по всему побережью Средиземного моря, а затем и по всему миру, везде краеугольным камнем этого учения была вера в воскресшего из мертвых Господа. Неудивительно, что противники христианства всех времен всячески старались подорвать в этом пункте учение апостолов.

Можно свести учения, отвергающие действительность воскресения Христа, к трем главным группам.

Прежде всего мы встречаемся с предположением, что Христос на кресте не умер, а впал лишь в глубокий обморок, от которого Он потом очнулся в прохладной гробнице. Сторонники этой теории ссылаются на кратковременность пребывания Христа на кресте и на возможность, вследствие этого, Его мнимой смерти. Для подкрепления этой гипотезы они охотно ссылаются на случай, упомянутый у Иосифа Флавия, о том, как, возвращаясь однажды с похода, он застал в числе многих распятых евреев трех своих друзей, которых он снял с креста, и вернул одного из них к жизни, несмотря на то, что он довольно долго висел на кресте. Д. Штраус насмешливо доказывает несостоятельность вышеупомянутой гипотезы, указывая,

что если из трех распятых, подававших еще признаки жизни, удалось, при самом тщательном уходе за ними, спасти лишь одного, то мало вероятно, что очнулся и ожил без ухода за ним один, не подававший более признаков жизни. На действительность смерти Христа указывает упомянутый в Евангелии от Иоанна факт, что воин пронзил ему бок копьем, и, во вторых, свидетельство римского сотника, присутствовавшего *ex officio* при казни. Совершенно естественно, что Пилат не поверил первому известию о скорой кончине Христа (Марк. 15, 41. 45) и дал разрешение на снятие тела лишь после того, как получил официальный рапорт этого сотника, который головою ручался за достоверность сообщенного известия. Возможность мнимой смерти Христа опровергается еще следующим соображением. Как верно замечает Д. Штраус, «несчастный Страдалец, полуживой, с трудом выползший из гробницы, нуждающийся в самом внимательном уходе, и затем все-таки умерший, не мог бы произвести на учеников впечатления торжествующего Победителя над смертью и могилою». – «Человек с пробитыми ногами», пишет медик, профессор Шилтов (Мысли о Бого-человеке) «не только не мог бы пройти на третий день три версты в Эммаус, но, с медицинской точки зрения, он не мог бы и стоять на ногах раньше месяца после снятия его с креста». В настоящее время теория о мнимой смерти Христа потеряла научное значение.

Другая теория гласит, что Христос действительно умер на кресте, но не воскрес, и что вскоре после Его смерти были распушены ложные слухи об Его воскресении. С этой теорией мы встречаемся рано, и первыми ее защитниками и распространителями были первосвященники (Матф. 28:13-15). Но и эта теория не выдерживает и самой снисходительной критики. Действительно, кто же мог украсть тело Христа? Не первосвященники и фарисеи, конечно, ибо, как верно замечает Штраус, при первом известии о мнимом воскресении Христа они показали бы Его труп и положили бы этим конец всяким толкам. Притом они не только не были заинтересованы в разглашении подобной вести о Христе, но даже сильно опасались ее (Матф. 28:12). Не могли также украсть тело Христа воины римской стражи. Они не только не имели никакого интереса в этом деле, но, при железной дисциплине римского войска, они головою отвечали за сохранность вверенного им трупа. Могли украсть тело Христа только

Его ученики. Но, спрашивается, во-первых, как у них могла зародиться даже мысль о воскресении Христа из мертвых? Когда Христос ходил с ними до Своего страдания и предвозвещал им о Своем предстоящем воскресении из мертвых, ученики недоумевали и не понимали даже значения этого слова (см. Марк. 9, 10. 31. 32; Лук. 18, 34). У Иоанна мы читаем, что ученики на третий день после распятия еще не понимали, что Он, по писанию, должен был воскреснуть (гл. 20, 9). Неужели они вдруг теперь, на третий день после распятия, прибегли бы к такой бессовестной, непонятной и невероятной для еврея выдумке о воскресении Христа, с расчетом, что им поверят?

Допуская такое предположение, мы тем самым утверждаем, что по крайней мере некоторые из учеников были сознательными лжецами и обманщиками. Но как им могли поверить? Как этому поверили мать Христа и братья Его? Последние при жизни Его не верили в Него, неужели теперь, ложь убедила их? (Д. Ап. 1, 14). Как мог поверить этой лжи такой умный самостоятельный мыслитель, как апостол Павел и многие другие? Как эта ложь могла продержаться? Поневоле спрашиваешь себя, неужели эти простодушные рыбаки могли быть такими актерами, чтобы с величайшим апломбом провозгласить заведомую ложь и затем до самого конца своей жизни ни разу не выходить из своей роли. Неужели ни один из них не протестовал бы против такого обмана? Ложь рано или поздно обнаружится, и в особенности такой грубый обман, как этот, не мог бы долго оставаться скрытым.

Наконец, какой расчет для учеников прибегнуть к такому гнусному обману? Какую выгоду они могли получить от него? За проповедь о воскресении Христа они встретили лишь презрение, преследование, удары, лишения и мучительную смерть. Харнак и Штраус оба определенно указывают, что ученики Христа были несомненно убеждены в действительности Его воскресения и что их искренность не подлежит никакому сомнению. Таким образом и эта гипотеза представляется крайне неубедительной.

Остается третье предположение, – теория о галлюцинации, которая говорит, что ученики «вообразили», что видели воскресшего Господа. Некоторые писатели, как Ренан, придают большое значение «истеричной» природе Марии Магдалины, высказывая

предположение, что легенда о воскресении Христа исходила от нее. Другие, более основательные критики, как Штраус, проводят мнение, что в начале некоторые ученики, «благодаря своему возбужденному состоянию», увидели призрак Христа, а за ними другие вообразили, что видели Его. Чтобы сделать эту гипотезу более правдоподобною, Штраус предполагает, что после распятия Христа ученики стали изучать писания и наткнулись на мысль о воскресении, но так как для этого потребовалось бы продолжительное время, то Штраус подвергает сомнению известие о воскресении Христа «на третий день» и полагает, что слухи о воскресении, вероятно, возникли позднее. Против этого необходимо заметить, что ученики Христа вовсе не были слабонервными, истеричными людьми, как эти авторы предполагают; это были коренастые, здравомыслящие рыбаки, которые вовсе не были расположены ни к нервному расстройству, ни к тому, чтобы поверить видениям других людей. К тому же они совсем не были в возбужденном состоянии, а были убиты горем и ожидали чего угодно, только не воскресения их любимого Наставника. Чем объяснить такую внезапную перемену от глубочайшей горести к радости и уверенности, которая уже не покидала этих людей до конца их жизни, передавалась ими тысячам других лиц и подкрепляла их в страданиях и мученической смерти?

Последовательный ход событий был по Евангелиям приблизительно таков, что впервые ко гробу пришли несколько женщин в воскресенье рано утром. Они нашли гробницу пустою и увидели ангела, объявившего им о воскресении Распятого (Марк. 16:2-6). Они в страхе прибежали к Петру и Иоанну, которые поспешили к гробу и нашли его пустым (Иоан. 20:2-10). Затем Христос открылся Марии Магдалине (ст. 11-17), Симону Петру (Лук. 24:34), двум ученикам на пути в Еммаус (Лук. 24:13), одиннадцати апостолам – два раза (Иоанн. 20,19.26) и 500 ученикам, собранным вместе (1Кор. 15:4-6). После этого Он открылся ученикам в Галилее (Марк. 14:28) и в течение 40 дней являлся им, говоря о Царствии Божием (Д. Ап. 1, 3). Из этого видно, что свидетелями воскресения были очень многие лица, в течение весьма продолжительного времени, так что о самообмане одного или другого не может быть речи. Слыхано ли, чтобы одно и то же привидение представлялось так ясно, так часто, столь продолжительное время (40 дней), столь многим и столь

различным лицам? Ведь всякий человек, увидев призрак или сновидение, приходит же в себя и дает себе отчет в нереальности виденного. Это же явление представлялось не в виде тени или туманного образа, но давало Себя ощупывать (Иоан. 20:27) и говорило внятные, чудные слова (Иоан. гл. 20 и 21), в том числе такое поручение, какого не мог бы придумать ни один еврей и которое сделалось на все века лозунгом для миссионерской деятельности христианской Церкви (Матф. 28, .19).

Никогда ни обман, ни самообман учеников не мог бы привести к таким дивным и долговечным последствиям. Поневоле приходишь к выводу, что так называемые естественные объяснения факта воскресения Христа требуют больше веры, чем евангельское изложение этого события.

Выводы

Большинство лиц, отвергающих Божественность Иисуса Христа, а также большинство лиц, признающих это, непоследовательны. Как те, так и другие обыкновенно упускают из виду те последствия, которые по необходимости вытекают из занимаемого ими положения. Многие, вероятно, никогда самостоятельно не вдумывались в эти последствия и были бы удивлены видеть, к каким выводам обязывает их или то или другое решение. Некоторые боятся быть последовательными до конца и сознательно или несознательно прячут, подобно страусам, голову, чтобы не видеть того, что для них неприятно. Не лучше ли и не честнее ли взглянуть на итоги наших вычислений и считаться с ними? Если итог окажется невозможным, то это укажет нам на ошибочность наших расчетов.

Представим себе прежде всего, что на основании каких-нибудь новых данных, доселе еще неизвестных, будет неопровержимо доказано, что Христос был не воплощение Божества, а такой же смертный человек, как мы. В таком случае мы принуждены с неизбежною последовательностью признать:

1) Что весь христианский мир всех стран в течение 18 веков боготворил и еще боготворит мертвого еврея. В таком случае христианство есть чудовищнейшая в мировой истории мистификация;

чтобы не сказать хуже. Как могли поддаться такому роковому заблуждению миллионы даровитых, просвещенных людей? Как эта ложь могла продержаться? 2) Облик Иисуса Христа представляется нам в таком случае полным таких совершенно несовместимых и друг друга исключających противоречий, что мы совершенно теряемся в них. Чем больше мы изучаем Личность Христа, тем непонятнее и невозможнее она становится. 3) Необходимо тогда отвергнуть все Евангелие (Нов. Завет). Почему? Нельзя ли исключить из него то, что указывает на Божественность Христа и оставить остальное – все поучительное, назидательное и утешительное?... Во всяком случае нам пришлось бы исключить из него книгу Деяний Апостолов, так как в ней на каждом шагу говорится о воскресении Христа из мертвых. Пришлось бы также исключить и все почти Послания апостолов, потому что и в них везде говорится о Христе, как Боге, Господе и воскресшем Исккупителе. Не трудно видеть, что пришлось бы отбросить и Четверо-евангелие, ибо раз установлено, что Христос сознательно или несознательно говорил неправду, выдавая Себя за воплощение Божества, то мы не можем доверять и прочим Его изречениям, и мы нравственно обязаны отвергнуть Евангелие в полном его объеме, как зловредную книгу, вводящую людей в заблуждение. 4) Наше собственное духовное положение в таком случае – самое безотрадное и безвыходное. Знаем за собою грехи, которые иногда можем забыть, но не покрыть; имеем страсти, которые нас порабощают; мы составили себе мораль, по которой не можем жить и, находясь, сами духовно в неопределенном положении, не можем помогать другим в их духовных затруднениях; будущность для нас покрыта неизвестностью. 5) Как объяснить себе благотворное влияние Евангелия на отдельных лиц и на целые народы? Как мог обманщик – или самообманутый – еврей, после трех кратких лет проповеднической деятельности, кончившейся притом полнейшею неудачею, привести к таким мировым благим результатам? Там, где Его Евангелие принималось сердцами людей, там гордые становились смиренными, блудники – чистыми и порочные возрождались от какой-то новой силы. Может ли ложь делать людей добрее и счастливее? Как тогда действует истина? Мог ли *поток добра*, излившийся через Евангелие по всему миру, истекать из *источника лжи*? 6) Личный опыт множества светлых людей,

уверовавших во Христа, всех времен и народностей остается для нас неразрешимой загадкой. Как могли уверовать во Христа светила науки и мысли: Ньютон, Паскаль, Пастер, Лорд Кельвин, Пирогов, Достоевский, Вл. Соловьев и многие другие? Значит, они заблуждались. Заблуждались и все миссионеры, которые годами самоотверженно работали среди язычников, нередко жертвуя своею жизнью, чтобы благовествовать им о Спасителе распятом и воскресшем. Заблуждались и все христианские мученики. Заблуждается в наше время и Всемирный Христианский Студенческий Союз (объединяющий 150 000 студентов и профессоров в 40 странах), краеугольным камнем которого является вера в Божественность Христа; заблуждаются близкие, быть может, нам люди – люди, которых мы горяче любим и высоко уважаем за их личные качества и их живую искреннюю веру и христианский образ жизни. Как они могут говорить, что именно личная живая вера во Христа дала и смысл и содержание и направление их жизни? Приведу свидетельство С.-Петербургского б. присяжного поверенного Б. И. Гладкова, написанное в предисловии к изданному им толкованию Евангелия. "В шестидесятих годах прошлого столетия», пишет он, «я был увлечен распространившимся тогда среди образованных людей безбожием и много лет прожил атеистом. Потеряв веру в Бога, я чувствовал однако, что для полноты разумной жизни мне чего-то недостает, что на месте исчезнувшей веры осталась какая-то пустота, что учение материалистов не удовлетворяет меня, не дает осмысленного познания самого себя и окружающего меня мира. И эта пустота, эта казавшаяся мне бесцельность и безмысленность жизни заставили меня наконец призадуматься и основательно познакомиться с Евангелием». Описав, как, путем основательного знакомства с книгами Нового Завета, он наконец убедился в достоверности их содержания, автор продолжает: «Тут окончился путь исследования, и я вступил в область давно утраченной мною веры; я пристал к тихому берегу, от которого был оторван волною атеизма; я познал смысл жизни; я нашел раскрытую ту дверь, в которую я тщетно стучался; я понял глубочайший смысл слов: Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные... и найдете покой душам вашим. Я пришел ко Христу и нашел ответ на все мучившие меня вопросы, нашел и душевный покой». Значит и он

заблуждался? До сих пор мы рассматривали некоторые выводы, с неизбежностью вытекающие из предположения, что Иисус Христос – только человек. Остановимся теперь на нескольких выводах противоположного свойства. Предположим, что мы, тем или иным путем, убедились, что Христос был действительно Тот, за Кого Он Себя выдавал, – не простой смертный человек, как мы, но воплощение Божества, «Единородный Сын Божий», Спаситель мира. Что вытекает из такого положения?

Попробуем, прежде всего, забыть все то, что мы когда-либо читали или слышали о Христе, и войдем в положение человека, узнавшего об евангельской Вести в первый раз. Мы с детства так свыклись с нею, что словно притупились для правильной оценки ее. Услышав впервые евангельскую Весть: «Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Иоан. 3:16)... весть о том, как жил, учил, страдал, умер за нас и воскрес Христос..., о том, что Он не только «когда-то жил», но и «теперь жив» и призывает нас к Себе... мы были бы потрясены такою Его жертвою и такою любовью до самой глубины нашей души.

Мы почувствовали бы обязанность и горячее желание узнать все то, что только можно узнать о Христе, познать Его Самого как можно глубже, и мы принялись бы с величайшим усердием за основательное чтение той Книги, которая говорит нам о Нем.

Мы сознали бы, что совершилось мировое событие непостижимой важности, последствия которого должны быть неизмеримо велики..., что такая жертва не могла пройти даром..., что наверно теперь открыты для каждого человека новые возможности примирения, очищения и чистой, святой и полезной жизни на земле в общении с Богом..., что истинное христианство должно быть чем-то высоким, чудным и светлым, непохожим на то номинальное, мизерное христианство, которое мы привыкли видеть вокруг себя...

Мы прониклись бы сознанием, что одно внешнее признание Христа, одно наружное исполнение хотя бы всех религиозных обрядов и обычаев, одно умозрительное понимание Св. Писания и пути спасения не могут удовлетворить ни Его, ни нас. Его жертва так велика, что она к чему-нибудь нас да обязывает.

Мы поняли бы, Что Он должен сделаться личным нашим

Законодателем и Господом и что все наше отношение к Богу, к людям, к себе самим и ко греху должно определиться волею Христа. Именно в этом пункте многие верующие так непоследовательны. Мы почувствовали бы горячее стремление ответить на такую любовь – тем же и, не стыдясь имени Христа, смело и решительно положить наши лучшие силы и дарования на служение Ему и на распространение Его Царства на земле.

Наконец, мы ясно сознали бы, как бы наши сведения о Христе ни были еще недостаточны, что в этом вопросе нам нельзя занимать нейтрального положения и что нам необходимо стать, открыто перед всеми, всем сердцем, на сторону Христа, или же – сознательно и решительно – против Него.